

СІМІЦИДАЕ¹

Жизнь насекомых

– Ой! Мама! – воскликнула Оленька.

Она стояла со спущенными колготками и показывала пальцем в горшок. На желтом дне ползали два жучка.

– Давай-ка я их выпущу, – сказала я.

– Авай! Авай! – Оленька радостно натягивала колготки.

Я поймала насекомых, сжала в кулаке и понесла к балкону.

– Нет, нет, нет, Оленька. Ты снимай штанишки и садись на горшок! – настаивала я, оглядываясь на дочь, которая вприпрыжку бежала за мной, хватаясь за мои домашние шаровары.

– Мотеть! Иду мотеть! – просила она, но я уже вынесла руку за перила балкона и разжала ладонь.

Один жучок упал сразу, а второй долго цеплялся и пытался ползти обратно. «Вот глупенький», – подумала я и тряхнула рукой, чувствуя приятное великодушие. Жук, смирившись со своей участью, полетел к лону природы – зеленым насаждениям из березок и кустарника под домом.

Мы с Олей быстро забыли о жучках. Мало ли насекомых заползает по весне в квартиру? К тому же день выдался сложный. Оля капризничала, просилась на руки, плакала и не давала ничего делать. На улице она успокоилась, занялась игрой. Я читала, сидя на лавочке, «Житие Василия Фивейского», Оля лепила в песочнице куличи и рыла вокруг них канавы.

Был теплый весенний день. Мамаши вокруг как-то особенно благодушно одергивали детишек. То и дело слышалось: «Вероника, отдай мальчику машинку», «Данила, брось палку, ударишься!», «Не бегай, Настя, вспотеешь», «Не сыпь песочек», «Не сиди на земле», «Не ешь землю» и так далее. Но дети чувствовали,

¹ Cimicidae – с латинского постельный клоп

что мамы и бабушки пригрелись под майским солнцем, и можно не слушаться многочисленных «не» — ничего за это не будет. Негромко ворковали у мусорки голуби, радостно заливались лаем выгуливающие хозяев собаки, чирикали на березе воробьи и кричали дети. Мне не удавалось сосредоточиться на книге, я перечитывала предложение в пятый раз.

«И по ночам все ворочались...»

«Мама!» — звала Оля.

«Что?» — спрашивала я, снова перечитывая: «И по ночам все ворочались и мучились...»

«Мам!» — звала она.

Я не поднимала головы, ожидая третьего раза.

«Мама! Мама! Мам!» — на всякий случай троекратно кричала дочь и бежала ко мне, раскидывая вокруг себя песок красной лопаткой. «Не дае-е-ет!» — ныла она.

«Что не дает?»

«Маииинка!» — жаловалась она.

«Это же его машинка. Скажи „пожалуйста“, может разрешит поиграть».

Оля убегала просить «пожалуйста», а я перечитывала снова: «И по ночам все ворочались и мучились от клопов; они лезли из всех щелей, на глазах ползали по стене, и ничем нельзя было остановить их отвратительного нашествия».

Мы загулялись до темноты. Когда солнце скрылось за студенческое общежитие, задул порывистый холодный ветер, и появились на соседней лавочке нетрезвые матерящиеся подростки. Я закрыла книгу. «Оля, идем домой», — сказала я. «Никачу!» — заупрямилась дочь. «Уже поздно. Кушать пора. И холодно», — я начала собирать в пакет игрушки. «Никачу! Никачу!» — закричала Оля, падая животом на божью коровку и отмахиваясь от меня лопаткой. «Оля! Что это такое? — удивилась я. — Как ты себя ведешь? Маму надо слушаться!»

Оля визжала. «Что за день!» — подумала я.

Оля редко капризничала и обычно легко соглашалась

со всеми моими просьбами. Но сегодня она была не моей понятливой и разумной девочкой, а сошедшей с ума истеричкой. Я пробовала уговаривать ее — она упрямо мотала головой и ковыряла песок лопаткой, тянула ее за руку — она визжала и колотила ногами по железному бортику песочницы. Я уходила, пряталась за дерево и кричала: «Оля, я ушла!». Она успокаивалась, садилась и накладывала песок в ведро. Все было бесполезно. Вернувшись, я снова начинали уговаривать, но она отрицательно вертела головой и твердила свое «никачу». Терпение мое кончилось. Я грубо подняла Олю за шиворот, слегка потрянула ее, схватила пакет, из которого вывалились грабли и божья коровка, взяла дочь подмышку и потащила домой. Оля верещала так, что оглядывались прохожие, а мамочки смотрели с осуждением.

Я укладывала Ольку спать на полтора часа позже обычного. В садик завтра не вставать, сидим вторую неделю дома с аллергией. Откуда она взялась? Красные, расплывчатые пятна покрывали руки, ноги и даже лицо дочки. Нам прописали мази, порошки и диету. Не помогало.

Перед сном мы три раза прочитали «Козу рогатую», два раза «Репку», один раз «Колобка», начали «Хавронюшку», но Оля проныла: «Никачу читать». Я поцеловала ее и выключила свет: «Закрывай глазки и спи. Спокойной ночи!» «Покои очи», — ответила она, вздохнула и сложила под подбородком руки.

Уснули мы быстро, едва погас свет. Меня разбудила хлопнувшая входная дверь, но я запомнила сившийся мне дурацкий сон. Во сне я старалась убедить проститутку, что любовь существует, но она не верила и все твердила: «Эти твари — все кровососы! Им бы только свое получить подешевле, а лучше вообще бесплатно. Они из меня всю кровь высосали, все силы!»

Я вышла, шурясь на электрическую лампочку. Леша аккуратно снял рюкзак, походную куртку и старые, но «еще надежные»

ботинки.

– Привет. Чуть не уснула, пока ждала.

Я подошла, поцеловала его подбородок в сверло-рыжей щетине и понюхала шею. Пахло потом, бензином, лесом и костром. Мне понравился такой запах. Мы прошли на кухню. Я заварила мятный чай, села напротив него за круглый стол и спросила:

– Рассказывай! Что было интересного? Как добрались?

– Ничего особенного, – он вздохнул. – Заколебался я. Там триста и здесь сто пятьдесят. Это сколько получается?

– Четыреста пятьдесят, – улыбнулась я.

– Пять часов за рулем.

– Бедненький! – сказала я, посмеиваясь. Уж я-то видела, что он не по настоящему жалобится, а наигранно. – Много успели?

– Баню закончили. Осталось дорожки гравием засыпать, но это уже без меня. Я и так им все бревна ошкурил и залакировал.

– Молодец, – я зевнула. – Пойду спать? Обещание выполнила, дождалась – на этом мои обязательства заканчиваются.

– А как же супружеский долг? – он накрывая мою руку своей слегка загрубевшей за выходные ладонью. – Я соскучился!

– Какой это, супружеский? Разве мы супруги? – ехидно пошутила я. – Я – женщина свободная, хочу – спать пойду, а хочу – налево.

Он промолчал, но руку убрал, нахмурился и отхлебнул чаю. Мне почему-то перехотелось спать. Я сидела неподвижно и рассматривала его лицо: щетина шла ему, как-то одновременно резче и мягче очерчивая скулы и подбородок. Он заметил мой пристальный взгляд и, как всегда, смутился:

– Чего? – спросил он, виновато улыбаясь.

– Ничего. Так просто. – ответила я.

– Я чуть корову не сбил, когда обратно ехал. Вышла на дорогу, а уже темно. Едва заметил. Еще бы секунда и все, пять трупов.

– Ужас! – сказала я равнодушно, не веря в такую возможность. – Откуда по ночам на дороге коровы?

– Может, потерялась?

Помолчали. Между нами, как натянутая нить, висела напряженность. Я ждала, как она разрешиться, и не могла уйти.

– Ты есть хочешь? – спросила я. – Могу суп подогреть.

– Не. Мы в Макдональдс заезжали.

– Понятно.

И опять эта пауза, как в кино перед любовной сценой.

– А ты чем занималась? – спросил он и зачерпнул ложкой меда.

– Как обычно: пообедали, погуляли, легли спать. Ничего особенного. Олька как-то странно себя вела. Капризничала много. Погода, может, меняется. Я книгу дослушала, пока суп варила. Пелевин «Жизнь насекомых».

– И как?

– Да фиг знает. Непонятно. К чему все эти комары, мотыльки, скарабеи? Как хочешь – так и понимай.

Я замолчала, Леша громко отхлебнул чай.

– Мама звонила, – сказала я как бы невзначай.

– Что сказала? – нехотя спросил он.

– Спрашивала про свадьбу. Я уже на третьем месяце, а мы все не женимся, ей это непонятно.

Леша не ответил, но я видела, как под щетиной заходили желваки.

– Мне это тоже непонятно, – тихо сказала я, глядя в стол.

– А мне непонятно, какой смысл в этой бюрократии! – повысив голос, сказал он.

– Тише, тише! Олька спит!

– Это полная бессмыслица. Почему мы должны отношения заверять у каких-то теток! Для меня это ничего не значит! – напористо шептал он.

– Для тебя – не значит, а для родителей – значит, – терпеливо, как ребенку, объяснила я.

– Я не собираюсь жениться для родителей! – прошипел он.

– Да ты вообще не собираешься! – я отвернулась. Обещала себе не начинать снова этот разговор и не сдержалась. Эх!

— Ты что, мне не веришь? Сказал — поженимся, значит поженимся! Чего тебе еще надо?

— Когда? — тихо спросила я.

— Когда успокоишься и перестанешь на меня давить!

— Дрессируешь?

— Нет! В неволе не размножаюсь!

— Вообще-то ты уже размножился! — я показала на свой живот, — А это гораздо более ответственное решение, чем жениться. Женился — развелся, раз-два! А дети навсегда! Понимаешь!

Он молчал.

— Вот объясни мне, почему ты так настаивал на ребенке, но тебе с таким трудом дается решение жениться? Для меня свадьба — это просто в белом платье погулять, с друзьями погостить, родителей успокоить. Для тебя — целая проблема! Я не понимаю, — я заглянула ему в лицо. — Ты не доверяешь мне? Боишься, что я буду на твою жилплощадь претендовать? Может, ты не уверен, что вообще хочешь быть со мной?

— Ты в последнее время такая невыносимая, что я уже действительно не уверен, — безжизненным голосом сказал он.

— А зачем тогда это? — я двумя руками схватилась за живот и всхлипнула.

— Хотел ребенка, — тихо сказал он.

— А меня в придачу к нему ты не хотел? К ребенку прилагается мама! Что мне теперь делать? — я еще несколько раз всхлипнула. — Второй раз мать одиночка? — я отвернулась и заплакала.

Он упрямо молчал. Мне казалось, что ему хочется утешить меня, обнять, прижать к себе, помириться, но это значило бы признать себя виноватым, а с этим он согласиться не мог. Гордый. Думает, я таким способом пытаюсь на него давить. Хотя, даже если бы он меня сейчас обнял...

— Чувствую себя инкубатором, — сказала я.

— Это в тебе гормоны играют, — усмехнулся он.

— Да пошел ты! — не глядя на него, я ушла в комнату, слегка

хлопнув дверью. Все-таки ребенок спит.

Большая комната у нас совмещала функции гостиной, детской и кабинета: по длинной стороне стояла уродливая полированная стенка советских времен, заставленная книгами, дисками, лекарствами и статуэтками. В нишу был всунут телевизор, из-за которого торчали провода антенны, напротив стояли два кресла и нелепый, массивный журнальный стол. Мебель была хозяйская. Из нашего — только детский комод для игрушек и компьютерный стол у окна, заваленный бумагами, папками и тетрадями (мой офис). В нем-то я и уединилась, пряча глаза в монитор.

Через несколько минут пришел Леша. Он плюхнулся в кресло и уткнулся в планшет. Так прошло полчаса. Не знаю, смотрел ли он хоть изредка в мою сторону, я украдкой поглядывала на него. Он сидел насупленный и серьезный, будто решал проблемы мирового кризиса, причины которого ему было легче понять, чем причину нашей ссоры. Мне стало жаль его. Но себя я жалела сильнее. Его унижительное пренебрежение задевало за что-то болезненно-воспаленное в моем уме, за уже уязвленное однажды женское самолюбие. Нужно было найти лазейку в своей обиде. И я знала, где. Нужно было понять, но не головой, а всем телом, что в его отказе нет ничего относящегося ко мне, что это его собственная заморочка.

Мысленно я представляла, как он встает на одно колено и предлагает мне стать его женой, а я, гордая и смеющаяся, отказываю, отказываю, отказываю. Это глупо выглядело даже в моих мечтах, но я уже несколько раз дала себе обещание ответить ему отказом, когда он все же предложит мне выйти замуж. Только он по-прежнему не предлагал.

— Пойдешь спать? — холодно спросил Леша, откладывая планшет. Его голос едва заметно дрогнул.

— Нет.

— Тогда спокойной ночи!

Он скрылся в спальне, за ним закрылась дверь, и я наконец-

то расслабилась на вертявшем офисном стуле, повернулась к окну, облокотилась на подоконник, положила подбородок на локоть и с упоением заплакала. Где-то внизу под окном желтый фонарь освещал пустынный двор, заставленный машинами. Напротив меня на ветке березы с маленькими, недавно развернувшимися листиками, дремала ворона. Вдали над крышами города мерцала электрическая заря. Плакалось хорошо.

— Настя! На-астя-а! На-а-астя-а-а-а! — услышала я из спальни страшный голос Леши.

— Что? Что? Что? — я вбежала в комнату.

Он стоял рядом с кроватью и держал на руках тихую спростонья, удивленную Ольку.

— У нас клопы! — сказал он, показывая пальцем на кровать.

Я посмотрела на наше бежевое одеяло и почувствовала, как по позвоночнику пробежала мерзкой изморозью брезгливость. На кровати, будто мы разворошили муравейник, ползали плоские коричневые жучки и еще какие-то поменьше, белесые, с просвечивающимися очертаниями внутренних органов в светлом брюшке.

— Ты уверен, что это клопы? — спросила я, слегка прижимаясь к Леше.

— Не знаю! — прошептал он, отдавая мне дочь.

Леша поймал белесого жучка и сжал пальцами. Раздался тихий хлопок, на пальцы брызнуло красным и запахло.

— Это клопы! — сказал он, брезгливо нюхая пальцы.

Я подошла к детской кроватке, подняла одеяло и посмотрела: насекомых не было. Все они собрались на нашей кровати, пока Олька спала на ней. Я опустила ее в кроватку и, выискивая глазами на полу жучков, спросила:

— Ужас! Их так много! Откуда они?

— Не знаю. Наверное, давно жили, просто мы не замечали.

— Не может быть! Я бы увидела. Может, соседи травили, они и пришли?

— Вряд ли. В этой комнате даже вытяжки нет. Как бы они залезли?

– Через балкон.

– Это как?

– Как муравьи, гуськом, – сказала я, и мы оба нервно рассмеялись.

Мы долго смотрели на копошащихся в складках белья и на стене жучков. Клопы медленно переползали с места на место, замирали, потом опять начинали ползти, деловито, размеренно, будто это мы были лишними в спальне, а они тут всегда жили. Мы – еда, которая вдруг осознала это. Как если бы коровы или куры поняли, для чего они людям, и вместо того, что бы продолжать дальше спокойно жить, стояли и смотрели с осуждением.

Клопы, которых я выбросила утром за окно, были самочки. Они спланировали на ветру благодаря хорошей аэродинамической форме тела, похожей на осиновый лист. Та, которая падала первой, влетела в открытую фрамугу застекленного балкона на третьем этаже и приземлилась на грязно-коричневый ковролин пола. Вторая, отягченная ношей из двух сотен яиц, готовых к кладке, плюхнулась на подоконник этажом выше, неторопливо и неповоротливо переползла через пластиковую раму окна и нашла укрытие за отставшими от стены обоями, где смогла благополучно отложить яйца.

АВГУСТ

Сашка страдал. Страдал мучительно уже пять месяцев и три недели. Именно столько прошло времени с тех пор, как она его бросила. Хотя, сказать, что бросила, было бы не совсем верно. Да, инициатива принадлежала ей. Зоя вообще была инициативная, так выражалась ее активная жизненная позиция. Но она бросила его не потому, что разлюбила, и не потому, что встретила

другого мужчину. Порвать с ним после двух лет совместной жизни было «взвешенное и взрослое решение» (Сашка прямо слышал в своей голове эти сухие, скучные слова из женских журналов). Зоя, по ее мнению, пора было замуж, рожать детей и все такое прочее, а Сашка не подходил на роль мужа. Ей нужен был сильный человек, добытчик, чтобы она могла «полностью посвятить себя семье». А он был не такой, рассеянный, мечтательный, слабый (тоже ее слова). Никуда не стремился, ничего не хотел, плыл по течению и целыми днями играл «в свой дурацкий Warcraft»

После того, как они разъехались, Сашка злился, а потом, когда улеглась обида, начал страдать. Он утешался мыслью, что Зоя все же любит его, просто есть обстоятельства, правда жизни и нормальная женская природа, которая требует своего. Ведь Зоя красивая и умная, что редко сочетается в женщинах. Она могла выбрать любого. Сашке казалось странным, что она «потратила на него» два года, ведь вокруг Зои всегда увивалось много успешных и не очень мужчин. И работа ее была престижней Сашкиной, и платили ей больше. Но им было хорошо вместе, просто и по-настоящему, без притворства и досадных неловкостей. Обо всем можно было шутить, с юмором обходя острые углы их непростых характеров. «Мы с тобой – родственные души, – говорила Зоя, целуя его в подбородок, – хоть ты и тетёха».

Обычно они встречались после работы и бродили по городу, по старым центральным улицам, которые похожи одновременно и на Питер, и на Прагу и еще на множество старых европейских городков. Они пили вино, отхлебывая из бутылки в пакете, курили одну на двоих тонкую ароматную сигаретку, грелись в торговых центрах, отыскивали кинотеатры с необычным репертуаром и знаки судьбы.

А еще они часто спорили. Зоя всегда горячилась во время споров, у нее розовело лицо и уши.

– Как, – спрашивала она, – начнет происходить что-то хорошее, если ты сам не сделаешь к этому первого шага? Не проявишь своего намерения?

– Опять эта психологическая чушь? Терпеть не могу.

– Тер-петь не мо-гу, – дразнила она и кривила лицо. Мимо проходила парочка: рыжеволосая девушка, горячо доказывала что-то парню, громко повторяя: «Нет! Ты думаешь, я буду это терпеть? Нет, скажи! Ты так думаешь?»

Зоя торжествуяще указывала на них пальцем.

– Я не имею ничего против намерения, – говорил Сашка. – Но я о другом. О проблеме выбора. Каждый раз, когда мне нужно выбрать: куда идти учиться, кем работать, какую слушать музыку, какую книгу купить, даже какой съесть десерт – я не могу решить. Вокруг так много всего увлекательного. И столько времени требуется, что бы разобраться, – они проходили мимо автобусной остановки. «Не знаешь, что выбрать? Новый тариф – Свобода общения!» И Сашка, усмехаясь, кивал на рекламный плакат. – А жизнь коротка, можно всю ее потратить на то, что будешь только разбираться, а так ничего и не выберешь, – он смотрел на часы. – Я жду, пока жизнь сама за меня решит. О! 19–19. Я прав!

– А как же я? Меня ты тоже не выбирал?

– Ну, как бы... – осторожно тянул Сашка.

Она толкнула его в плечо.

– Придурок!

– Но потом-то я выбрал. Любовь-морковь, все такое!

– А я сразу тебя выбрала. Как увидела, сразу поняла, ты – моя родственная душа.

– Ты же у нас крутая! У тебя это, как ее, интуиция!

Они шли мимо кондитерской. Распахивалась дверь и доносился сладкий запах кофе, ванили и шоколада.

– Мне кажется, это знак, – говорил он. – Зайдем?

– И как же ты выберешь себе пирожное?

– Возьму такое же, как ты.

– Глупо! Лучше взять два разных и попробовать друг у друга!

После того, как Зоя бросила его, Сашка звонил ей каждый вечер. Он знал, Зоя ложится поздно, иногда всю ночь не спит,

обсуждает что-то социально-политическое в своем блоге. Он набирал ее номер и готовил какую-нибудь унижительную, лицемерную фразу: «Знаешь, я тут обдумывал свою гражданскую позицию...», но когда он слышал ее детский голос, терялся и долго молчал.

– Это ты? – спрашивала Зоя. – Привет!

– Привет! – отвечал он, и начинался скучный неловкий разговор, в котором оба не знали, о чем говорить. Заканчивался он всегда одинаково, Сашка, чуть не плача, спрашивал:

– Ты точно все решила?

– Да!

– Как у тебя это получается? Сначала ты любишь, а потом вдруг решаешь разлюбить только потому, что я не подхожу для какой-то там роли?! Я не понимаю.

– Я и сейчас тебя люблю.

– Если любишь – давай увидимся.

– Хорошо. Приезжай.

И Сашка несся к ней через ночь, через весь город, на какой-нибудь ржавой шестерке, с плохо закрывающимися дверьми и платил последние деньги засыпающему от усталости узбеку.

Так, унижаясь, он выпрашивал для себя очередное свидание и пытался вернуть былое счастье любыми ухищрениями. Но однажды, лежа с ним в обнимку, Зоя сказала:

– Я больше не могу так. Я ищу сил, чтобы порвать с тобой окончательно, и понимаю, что у меня их нету. Эти свидания отнимают у меня энергию.

И потом, после долгого и мучительного молчания, во время которого внутренности Сашки все сильнее стягивало узлом, она добавила:

– Я начала встречаться с другим.

Вот тогда Сашка почувствовал настоящее страдание. Вернувшись домой, он лег и решил больше никогда не вставать с дивана. Он хотел перерезать вены, проткнуть ногу маминой вязальной спицей или разбить о стену кулак – сделать хоть что-то, чтобы дать боли реальную, настоящую причину. Но так и не решил-

ся, было жаль маму.

Когда страдание слегка отпускало, и Сашка мог смотреть на ситуацию критически, он думал:

— Как это странно, я живой, здоровый, ноги и руки целы, нет никаких ран. Откуда во мне эта боль? Почему я не могу прекратить ее простым пониманием, что не хочу страдать?

Но редкие моменты ясности сменялись тоской, воспоминаниями и опять болью.

Тем временем прошла весна, и уже лето подходило к концу. Стоял жаркий август. Друзья, которые, как и у всех, у Сашки конечно были, звали на Казантип. Мама даже дали Сашке денег, немного, но достаточно. И он поехал. Был поезд и тесный домик на улице Рыбалка, с раскладушками и ковриками, были наркотики, алкоголь, танцы и какая-то бесцельная, веселая суета — все, лишь бы забыться. Однако неумолимо приходило похмелье. Сашке становилось тошно и хотелось спрятаться от всех, чтобы отыскивать в прошлом ошибку, мысленно ее исправлять и продолжать в мечтах жить с Зоей. А потом опять угар, хмель, чад и гроыхание электронной музыки.

Ошалелый и опустошенный Сашка сидел на песке и смотрел, как поднимается солнце, которое делит белесую даль на море и небо. Мыслей у Сашки не было. За ночь они как-то вытряслись из головы. Тело гудело. Электронные звуки сливались в общий гул с шумом моря. Он смотрел, как счастливые от беззаботности и открывшейся утренней красоты девушки танцевали в море. Разгорался очередной бесцельно-красивый Казантипский рассвет, и Сашка, глядя на девочек и на море, вдруг почувствовал быстротечность молодости.

Вдруг он увидел Вику. Она шла по дорожке, ведущей к танц-полу «Щастье», под руку с красивым накаченным мужиком. Она казалась такой же сияющей и счастливой, как танцующие в море девушки. Он хотел бросится вдогонку, но что-то остановило его. Знакомая боль навалилась на него с удесятенной силой. «Она счастлива с другим, — думал он. — С другим!»

– Привет, страдалец! Ты тут куртку фиолетовую не видел? – рядом с ним стояла большеротая и большеглазая девчонка. Худые загорелые руки теребили разноцветный ситцевый шарф.

– Почему страдалец?

– Лицо у тебя какое-то скорбное.

Сашка скривился, будто задела за больное, и промолчал.

– О! Вот она! – девушка показала на ярко-фиолетовое пятно недалеко от Сашки. Девушка взяла куртку и села рядом с ним на песок. Она долго сидела и смотрела вдаль на море, не моргая и не шевелясь.

– Медитируешь? – спросил Сашка.

– Я это называю «растягивать восприятие».

– И что нужно делать?

– Смотри вперед, но не куда-то целенаправленно, а расфокусировано. В поле зрения попадает все пространство, от края до края. Видишь?

– Да, – нерешительно сказал Сашка.

– А теперь сконцентрируй внимание сразу на всем. Видишь? Оно становится объемным. Видишь?! – было понятно, что девчонка восхищена своей способностью.

– Нет, не вижу. Какая-то муть.

– Надо практиковаться. А у тебя что случилось-то? Почему сидишь здесь такой несчастный и одинокий.

И Сашка зачем-то рассказал ей все: и про родственные души, и про любовь, и про страдания, которые он никому не пожелал бы. Он почти плакал от жалости к самому себе. Девчонка слушала внимательно, переспрашивала, и, казалось, проявляла самое искреннее и сочувственное внимание, которое только возможно. Но когда Сашка закончил, она сказала:

– Бедненький! Ты так сильно любишь себя?

Сашка, ошарашенный ее внезапной черствостью, нахмурился.

– Только не надо на меня так смотреть, как будто я тебе в спину нож воткнула. Ты не правильно меня понял. Я хотела сказать, что ты можешь выключить свою боль. Как свет в комнате.

– Как? – простонал он.

– Любить – это значит желать человеку счастья.

Сашка невольно кивнул.

– А счастлив человек может быть только так, как сам этого хочет. Нельзя заставить кого-то быть счастливым, – она пожала плечами и вопросительно посмотрела на Сашку: – А иначе какая же это любовь? Это жадность.

Сашка задумчиво откинулся назад, облокотился на руки, распрямил ноги и как-то вдруг ощутил себя. Ладони углубились в прохладный песок, и Сашке понравилось сжимать и разжимать пальцы.

– Если ты действительно любишь Зою, ты не должен страдать из-за того, что она стремится быть счастливой. Просто почувствуй ее. Она где-то рядом. Между вашими сердцами всегда будет этот телефонный провод, по которому ты можешь ощущать ее.

Последние слова прозвучали восторженно. Обоим стало неловко, и они молчали. Саша невольно оглянулся в поисках Зои. Ему вдруг показалось, что это она подслала к нему эту большую глазастую инопланетянку.

– Как тебя зовут? – спросил Сашка.

– Ира.

Он разглядывал ее лицо, хрупкую фигуру и думал, что она красивая, и очевидно, умная. И что она нравится ему.

20/05/14

БУЛЫЖНИК

Купаться бежали наперегонки, впереди всех Леха, а сразу за ним Женька. Она казалась себе стрелой, выпущенной из лука, неслась со скоростью света, не чувствуя под ногами ни тропинки, ни мелких камешков, ни выступающих узловатых корней. Женька была переполнена таким жгучим вибрирующим ликованием, что даже если бы захотела – не смогла бы замедлиться.

Дорога спускалась с холма, на котором был разбит палаточный лагерь, в речную низину, тянулась вдоль камышовых зарослей к хлипкому деревянному причалу. Женька видела, как мелькнули Лехины руки, когда он прыгнул с причала в реку. Женька даже почувствовала, какая вода холодная, представила, как гребут в прозрачной воде его руки. Сейчас прибегут все, намутят, и уже невозможно будет разглядеть, как подплывают под водой мальчишки. Женька не особо-то их боялась, она и сама ныряла хорошо, могла тоже сыграть с кем-нибудь шутку, например, с Лехой, пощекотать или стянуть ему под водой трусы. Он бы погнался за ней, и было бы так смешно убежать, брызгаясь, отпихиваясь руками и ногами от его загорелого, худого тела.

Женька сперва даже не почувствовала боли. Тропинка вдруг приблизилась, земля кувырнулась, и Женька уже лежит на спине, чувствуя, как боль пронзает горячей спицей ногу.

– Вааааа! – завывала она и села.

В глазах плыло. Пелена слез заволакивала и размывала лес, тропинку и даже ногу, но и так было видно, что ноготь на большом пальце сломан, от колена вниз расцарапана красными полосами кожа.

– Аааааа! – еще громче заныла Женька и подтянула ногу к себе. Размозженный ноготь показался ей отвратительным, она даже сморщилась, будто это была не ее нога, а чья-то чужая и противная. Мимо пробежал, не останавливаясь, Адамов Димка, за ним Ушаков, Щербаков, остальные ребята класса. Только Славка Можайкин остановился.

– Что с тобой? – спросил он.

– Не видишь, придурок, упала! – заорала на него Женька.

– Че, сразу, придурок. Может, я помочь хотел.

– Вали отсюда!

– Ну ладно, – Славка неторопливо потрусил вслед остальным.

Женька осмотрелась. Позади тропинка почти заросла осокой.

Она встала, проковыляла несколько шагов назад и увидела причину своей боли. Это был вросший в болотистую почву и спрятанный в траве булыжник. Женька плюхнулась рядом с ним, не думая об испачканной юбке, что уж теперь-то, и долбанула по нему кулаком.

— Вот тебе! Дурацкий булыжник! — она била его снова и снова, не чувствуя боли ни в расцарапанной ноге, ни в сломанном ногте, ни даже в отбитом до синяка кулаке. На нее нашло какое-то бесчувствие. Она вколачивала в камень свои ладони и кулаки, злясь все сильнее.

Послышались голоса девчонок. Женьке не хотелось, чтобы ее видели. «Раскаркаются сейчас», — думала она, ковыляя в камыши. Она хотела было прихватить с собой и камень, но его не удалось сдвинуть с места.

— А давайте ночью пацанам выход из палатки нитками зашьем? — услышала она голос Наташки. «Вот коза, — подумала Женька. — Стырила мою идею!»

— Дура ты что ль? — возразила Ирка. — Тебе класснуха уши к затылку пришьет.

— Ну а что, пастой мазать? Это же детский сад.

— А выход нитками зашить — это по-взрослому!

— Зато не будет...

Женька не слышала, чего не будет. После завтрака она тоже придумывала способы мести. Прошлой ночью кто-то из пацанов сунул Наташке в спальник жабу. Она завизжала, Женька проснулась и увидела, как склоняется над ней лицо в натянутой до подбородка шапке. Это был Леха, Женька его узнала. Потом он лез целоваться через вязанную ткань шапочки, Женька его пихнула, и он чуть не повалил палатку.

В лагере начался переполох! Пацаны кукарекали, девчонки визжали, класснуха орала: «Это что за бедлам!». Постепенно все успокоилось, но девчонки до утра обсуждали происшествие и горячо спорили о способах мести.

Еще несколько минут назад Женьку это тоже волновало, но теперь она сидела в камышах с разодранной ногой, сломанным ногтем и эти детские глупости казались ей такой ерундой. Она даже почувствовала раздражение к подругам, которые, наверное не такие уж ей подруги.

Она вылезла из камышей на тропинку и страдальчески посмотрела на булыжник.

Что же ей теперь делать? Купаться не хочется, да и куда, с окровавленной ногой? Вернуться в лагерь и ждать всех? А булыжник? Она не могла просто так его здесь оставить.

Женька бродила вокруг, отыскивая что-то в траве. Она подняла небольшую палку и долго откапывала камень из мха и болотистых суглинков.

Булыжник оказался тяжелым. Женька тащила его и ругалась: «Ублюдок! Мразь! Упырь! Сволочь! Зараза! Срчка с ушами! Бар-малюга! Плесень болотная! Выпиндыш!» Она и сама не знала, откуда брались эти смешные и страшные слова. Веселая злость подхлестывала Женьку.

Но скоро она устала, перестало хватать дыхания. Женька тащила камень несколько шагов, бросала и падала рядом на землю, чтобы отдышаться. Она представляла, как дробит булыжник кувалдой, потом каждый кусочек растирает в пыль, рассеивает по ветру, чтобы камня не существовало. Потом Женька мысленно бросала его в костер, и он сгорал, рассыпаясь искрами, как бенгальские огни, или кидала с оврага в болото, он тонул в трясине и лежал в мутной вонючей воде до окончания времени.

Из-за булыжника в палатке совсем не оставалось места. Чужеродный, состоящий из грубой первородной материи, он так

не вязался с красно-шелковым стенами палатки, зеленым мягким спальником и синим походным рюкзачком. Булыжник был из другого мира. Но он находился внутри палатки, отливая розовым из-за красных, пропускающих солнечный свет брезентовых стен.

– Булыжник! – Женька стукнула кулаком по остро-выпуклой поверхности: – Булыжник – забулдыжник!

Но смешно уже не становилось. Рана на ноге пульсировала, нестерпимо ныл ноготь. Вместе с болью на Женьку накатывало тошнотворное чувство собственной ненадежности и одиночества. Казалось, она так и умрет здесь одна, в своей красной палатке, рядом с этим мерзким булыжником.

Женьке стало страшно, она опять заплакала, только теперь беспомощно и тихо, вытирая пальцами слезы так, будто выбирала из глаз щепотки соли. Нужно было пойти за помощью, но ей не хотелось. Она чувствовала, что осталась совсем одна в холодном бездушном мире мертвых булыжников. Вот бы пришел Леха и спас ее, сказал, как тогда, во время дежурства: «Я трактор Леха, работаю на борще и котлетах», и отнес бы ее на руках в медпункт.

Женька положила утомленные руки на камень, облокотилась на них лбом и закрыла глаза. Незаметно для себя она провалилась в сон, где они вместе с Лехой перетаскивали красные тяжелые коробки из класса в актовый зал и укладывали на сцене в скульптуру. Женьке хотелось выложить из коробок сердце, но он говорил, что из коробок надо сделать танк, а из швабры – дуло. «С ним всегда так, думала Женька, – кажется, что нравишься ему, но танк и дуло из швабры ему нравятся больше».

– Вот она! В палатке дрыхнет!

– Эй, дурында, проснись! Тебя там МЧС ищет, – Наташка

трясла ее за локоть. Женька открыла глаза и потерянно озиралась.

— Че это? Камень? Нахрена ты его в палатку притащила?

— Домой повезу, — садясь и одергивая футболку сказала Женька.

— Зачем?

— С балкона скину.

— Больная что ли на всю голову? Пошли, обед уже.

13/12/15

ЖИР

Иногда мне кажется, что у меня два органа, производящих мысли.

Первый, как у всех — мозг. Другой чем-то похож на первый: тоже бесформенная белая масса, но этот орган враждебен мне, это паразит, встроившийся в мою нервную систему. Его цель — занять как можно больше жизненного пространства. Для этого ему нужно всего лишь думать за меня.

Сегодня выходной, и я сижу одна дома. Никто никуда меня не зовет. Все потому, что я толстая. У меня даже нет друзей. Есть коллеги и знакомые по работе, бывшие однокурсники или еще бывший парень Вова. Мы вроде как бы встречались на третьем курсе Академии. Даже был секс. Правда, очень странный, Вова все время морщился и закрывал глаза, будто не хотел меня видеть. Его можно понять, я сама себе отвратительна.

Я и мой жир так срослись, что мне сложно различить, где мои, а где — его мысли. Жир думает за меня, он присвоил мои нервную и пищеварительную системы. Я смотрю тупое ток-шоу, а кто-то внутри меня думает, чем бы перекусить. Я не голодная, но...

От мыслей о еде в уме вспыхивают картинки. Я ощущаю вкус воображаемого бутерброда с шоколадным маслом или сдобной булочки с ежевикой. Калькулятор внутри меня подсчитывает,

сколько можно потратить калорий, если сделать зарядку, облить-ся холодной водой и как следует обтереться грубым полотенцем. Я читала, что стресс от перепада температур сжигает более пяти-ста калорий. И с завтрашнего дня я обязательно начну обли-ваться холодной водой. А сейчас можно скушать чего-то легкого. Йогурт и мюсли. И до обеда ни-ни. Ужинать совсем не буду.

Успокоенная решением, я иду на кухню и, стоя у холодиль-ника, съедаю два сладких йогурта, банан и холодную булочку, которую купила вчера и зачем-то положила в холодильник, типа, не собиралась ее есть. Перед тем, как вернуться в комнату, сде-лала полулитровую чашку какао и намазала шоколадное масло на батон.

Когда по телевизору начинается сериал про женщину-детек-тива, я вытряхиваю из чашки последнюю каплю себе в рот, и голос внутри меня язвительно произносит: «Обещание не сдер-жала! Слабовольная! Жирная и уродливая дура! Противно на тебя смотреть. Чтобы больше ничего не ела! Заклей себе скот-чем рот!»

И тут же мчусь на кухню и беру с тарелки яблоко. Нет, я не голодна, но ведь ничего целый день не есть, а яблоко — это витамины, и в нем совершенно нет калорий.

Догрызаю яблоко и во время рекламной паузы снова иду на кухню. Автоматически отрезаю кусочек сыра и понимаю, что не помню, как достала его из холодильника.

«Сыр — полезен, — думаю я — в нем кальций», — и макаю кусочек в мед. Мне нравится, когда соленый вкус оттеняется сладким.

Когда я возвращаюсь в комнату, меня мутит.

«Зачем так объелась?» Я почти плачу от ненависти к себе. Подхожу к шкафу, распахиваю дверцу и рассматриваю себя в профиль и в анфас. Втягиваю живот и щеки, но они все равно

вываливаются. Жир немного вздрагивает, будто напуган, когда я вот так разглядываю его.

«Какая же ты отвратная, — говорит внутренний голос. — Посмотри на себя! Свинота, а не человек! Ты должна что-то с этим сделать! Возьми себя в руки! Чтобы завтра — полностью разгрузочный день. И сегодня чтобы ничего не ела! Поняла, толстожопая? Чтобы похудеть надо перестать жрать!»

«Завтра, — будто мантру, твержу я, — завтра все будет по-другому». Я иду к телевизору, плюхаюсь на диван и нажимаю на пульте кнопки. «Подумать только, дети в Африке голодают! А я выращиваю на себе эту раковую опухоль жира! Невозможно больше так! Нужно что-то сделать!»

Но сегодня у меня выходной. Надо отдохнуть как следует перед рабочей неделей. Бухгалтерия — это постоянный стресс.

Я стараюсь расслабиться, но голос в голове все нудит: «Ты толстая! Тебе ничего не светит, пока не скинешь лишние килограммы! Сесть на один кефир! На одну гречку! Полностью исключить сладкое!» Пока я накручиваю себя так, на экране идет ток-шоу «Про женщин». Худые, неприятные тетki рассказывают, что худеть нужно правильно, постепенно уменьшать порции, все записывать и считать калории. Кто-то внутри меня запоминает эти советы и включает их в свою полемику обо мне. «Чтобы похудеть, нужно чаще есть, только понемногу. Ты, наоборот, стараешься постоянно себе запретить. Это неправильно! Сколько ты сегодня съела калорий? Не знаешь? Нужно на упаковках смотреть».

На секунду я отключаюсь, перестаю слушать и телевизор, и внутренние голоса. Где-то за ними, за всеми этими лозунгами, советами и приказами самой себе, как предчувствие, мелькает догадка, что этот голос и есть мой жир, который дурит меня, при-

кидываясь хорошим.

Может, пора перестать худеть, и начать о чем-нибудь другом думать? Например, о любви. Вот бы влюбиться и забыть хотя бы на время всю эту изнурительную борьбу в моей голове между мной и жиром.

Вдруг звонит телефон. Я беру трубку и произношу испуганным голосом:

— Алло.

— Алло. Это Вова. Помнишь, мы как-то ходили в кино и потом... Ну, целовались и прочее.

— Помню, — настороженно говорю я.

— Может, встретимся?

— Зачем? — спрашиваю я и вспоминаю, что с тех пор, когда мы расстались, прошло около трех лет. За это время я прибавила шесть килограммов. Он будет смотреть на меня и думать, что я — отвратительная толстуха.

— Я часто думаю о тебе. Мне кажется, мы как-то плохо тогда расстались, — говорит Вова.

— Да, вроде бы, нет.

— Как ты живешь сейчас?

— Все в порядке, — говорю я недовольным голосом, и с ужасом понимаю, что стараюсь избавиться от него.

Голос внутри меня вопит: «Пожалуйста, только не вешай трубку! Мне нужна помощь! Ты нужен мне, чтобы выбраться из этого ада!». Но там, на другом конце, Вова слышит в своем телефоне мое сопение и чувствует, что я жду, когда он попросится и повесит трубку. Я зажмуриваюсь и напрягаюсь всем телом, чтобы стряхнуть оцепенение, навязанное жиром.

— Ну ладно, — говорит он. — Прости, если помешал.

— Да нет, что ты, — говорю я, обливаясь потом. — Я рада, что ты позвонил. Я тоже сегодня тебя вспоминала.

— Правда? Это классно. Ладно. Мне уже пора. Пока.

Я слышу короткие гудки и злорадный хохот своего жира. Кажется, он весь трясётся от смеха над моей глупостью. «Бесполезно! — говорит он. — Кому нравятся такие толстухи?».

Я сижу в кресле и плачу. Мне непременно надо худеть. Непременно! Все, я решила! Пока не похудею, вообще есть не буду!

16 мая 2015

СТРАШНЫЙ СОН

Света шла по тонко и белесо заиндевавшему асфальту от храма к калитке. Ее мысли были где-то там, в туманном желанном будущем, в котором у них с Вадиком родился ребенок, розовый, гладенький и такой родной, что у Светы сжималось горло и подступали слезы. Мысленно она всматривалась в маленькое воображаемое личико краснощекого младенца, и ей почему-то казалось, что он совсем не похож на ее мужа.

Света шла и не замечала холода, согревала молитва. Молилась она наивно, сбивчиво, с трудом подбирая слова и стесняясь, как все не привыкшие к общению с высшими силами люди: «Боженька, ты милосерден, ты... даешь утешение... дай мне ребеночка! Пусть... Пусть будет испытание. Я справлюсь... У меня на все хватит сил, лишь бы только ребеночка, Господи, милостивый, всемогущий, услышь меня, пожалуйста, это я, твоя раба, послушная тебе Светлана».

В уме ее мелькали образы из проповеди: дева в покрывале и с книгой, завеса из пурпура, Святой дух в образе голубя, архангел Гавриил и старый Иосиф почему-то с посохом. Был канун праздника Благовещенья, и отец Иннокентий, беседуя с ней под гулким сводом храма после Всенощной, еще долго рассказывал ей о покорности божьей воле, о важности покаяния и о смелости девы Марии. «Какое все-таки чудесное совпадение!» — думала

Света, покидая храм. Она впервые зашла в церковь, и надо же, в канун такого праздника! Божественное провидение? Чудо? Тайный знак?

Свете показалось, что у калитки промелькнула тень. Она оглянулась. Ветер беспокойно шумел деревьями вокруг храма. Кусты бузины метались под его натиском как перепуганные тени. Солнце уже село в тучи за небоскреб, небо приблизилось к земле и налилось лилово синим кровоподтеком. Смутное предчувствие чего-то неотвратимого и жуткого навалилось на Свету. Она остановилась и вгляделась в темноту.

«Видишь, ничего страшного. Нечего бояться. Просто ветер». Но сердце почему-то подпрыгнуло к горлу, ухнуло в грудную клетку и замерло. И в этот же миг ветер стих. На миг установилась вдруг необычная тишина. Света не выдержала и побежала. Чья-то рука перехватила ее поперек тела, что-то ударило по ногам, потащило в сторону, больно подвернулась рука, а шершавая ладонь, пахнущая бензином, грубо зажала рот.

Он дотащил ее до темной норы между кустами и оградой, поставил на землю и развернул. Она увидела бугристое, широкое лицо. Он толкнул ее, навалился, прижал тяжестью своего тела, стал раздирать полы пальто, вырывая крупные алые пуговицы вместе с тканью.

Света хотела, но не могла бороться. Тело налилось холодным каменным ужасом и не слушалось. Насильник мял и тискал ее, как тряпичную куклу, рвал одежду. Светлана не чувствовала боли, казалось, она вообще перестала чувствовать, и это превращало все в страшный сон, который она только видела, но не переживала. Нужно было вспомнить, что это сон, и проснуться.

Она смотрела расширенными зрачками на мелькавшее перед ней лицо, руки, ветки кустов и даже на звезды, просту-

пившие в небе — все было неумолимо жестоким, беспощадным и равнодушным к ней.

Насильник задрал ее узкую шерстяную юбку и возился с колготками. В наступившей тишине слышалось сопение, от которого Свете становилось дурно. Очень близко послышался хлопок, словно быстрые удары пощечин. Света увидела над собой голубя. Он пролетел, почти задевая их крыльями. Она вдруг с пронзительной ясностью осознала, что скоро умрет, и все уже будет не важно.

— Я сама, — тихо сказала она.

Насильник замер, мутно посмотрел на нее и со злостью рванул колготки.

— Стой! — крикнула она, — Я же сказала — САМА!

— Заорешь — придушу. Поняла, тварь? — он отпустил Свету. Она расстегнула по-очереди молнии сапог и стянула тугую лайкру.

— Не нужно меня насиловать. Я сама тебе, — голос Светы дрогнул.

— Тварь развратная! — хрипло выругался он, смотрел и ждал.

Света сняла трусы, стыдливо сунула их в карман пальто и не знала, что делать дальше.

— Остальное тоже! — приказал он.

Она скинула пальто и разорванную в лоскуты блузку. Света делала это медленно, стараясь понять, что заставило бы его передумать.

— У тебя есть дети? — спросила она.

— Пошла на хер!

— У меня нет, — не обращая внимание на грубость, сказала Света. — И теперь уже не будет.

— С чего это?

— Ты же убьешь меня, — спокойно, как что-то очевидное и совсем не трогающее ее, сказала Света.

— Может и не убью. Ты вроде баба нормальная!

После того, как все закончилось, Света потянулась за своей одеждой.

– Куда? – спросил насильник.

Он пустил, лежал, подперев рукой голову и смотрел, как она натягивала на себе лохмотья и куталась в пальто.

Света дрожала.

– Я тебе ребенка заделал. Радуйся!

Она замерла. Слезы бессильной ярости выступили на глазах, и она так сильно сжала зубы, что еле вытолкнула изо рта слова:

– Можно я пойду?

– Куда?

– Домой.

– Провожу.

– Не надо! – воскликнула она.

– Сказал – провожу! – он сел и на всякий случай схватил ее за запястье. – А то заяву побежишь катать.

– Я же сама согласилась! – она всхлипнула, но справилась с собой.

И они пошли. В голове Светы лихорадочно вспыхивали мысли: если он захочет подняться? Или будет знать ее подъезд и может подкараулить в другой раз, и тогда этот ужас повторится. Она замедляла шаг, придумывая решение.

Страх уже не сковывал ее, она освоилась, и теперь с удивлением смотрела на прохожих, которые шли и не замечали странной ситуации, что насильник ведет за руку свою жертву.

Она хотела закричать, но подумала, что это неразумно, и надо попробовать отделаться мирным путем. Она пыталась разговаривать его, задавала вопросы. «Как тебя зовут? Сколько лет? Кто ты по профессии?». Имя его было Семен, он работал шофером на цементном заводе, жил с матерью, которая, судя по всему, впала в маразм. Свету мучил вопрос, насильничал ли Семен женщин раньше, но спросить она не решалась. Это свело бы спокойную, в чем-то даже человеческую беседу на нет.

Она привела его к другому дому, к хорошо освещенному фонарями подъезду.

— Мне сюда, — сказала Света, думая, что если он заставит набрать код домофона, она закричит.

— Хорошая ты баба, — сказал он и грубовато обнял ее. — Замуж за меня пойдешь?

Света посмотрела на него, на его грубое, неказистое лицо, которое теперь имело глуповатое выражение.

— Я замужем, — тихо сказала она.

— Врешь небось? Кольца-то нет.

— Потерялось.

— Будь я твоим мужем, не пускал бы тебя ночью. Мало ли всяких уродов, — хмыкнул он.

Они постояли молча. Света вздохнула.

— Мне пора.

— Иди!

— Нет, ты первый.

Семен послушно пошел по тротуару, не оглядываясь. Когда он исчез в темноте, Света кинулась через двор, через дорогу, к своему дому, в котором мягко светились родные окна.

Через девять месяцев у Светы родился сын, крупный краснощекий младенец с широким лицом. Он был совсем не похож на мужа, узколицего, с тонкими и нервными чертами. Но Вадик считал сына своим. Он брал его на руки, нюхал головку и сюсюкал, стесняясь своего неумения обращаться с младенцем. Света тоже считала ребенка сыном Вадика. А тот вечер она забыла, как страшный сон.